

В. В. Алпатов
Москва

Английские топонимы с христианскими ассоциациями

Религиозное мироощущение пронизывает разные виды деятельности общества, в том числе его номинативную деятельность. Изучение влияния христианства на английскую топонимию показывает, что, помимо названий собственно церковных объектов, наименования большого числа разнообразных географических объектов обладают ассоциациями с христианскими реалиями. Такие топонимы можно объединить в три большие подгруппы с условными названиями «Святые топонимы», «Церковные топонимы», «Библейские топонимы».

Первая группа включает в себя названия святых источников (*Holy Well* «Святой источник», *St Ann's Well* «Источник св. Анны»), опасных, пограничных объектов (некоторые названия с *Holy*- 'святой' и *Cross*- 'крест') и других мест, связанных со сверхъестественными событиями (исцеления, чудеса: *Eyekeid* «Глазной родник», *Bishopstrow* «Древо епископа»), личностями (святые покровители: *St Michael's Mount* «Гора св. Михаила»), а также наименования, данные из побуждений благочестия (*God's gift* «Божий дар», *Vaudey* «Божья долина»).

«Церковные топонимы» образуют наибольшую группу и характеризуются ассоциативными связями с тремя пересекающимися семантическими полями: «Церковное лицо» (*Abbotsbury* «Аббатов город», *Preston* «Священников город»), «Церковный объект или предмет» (*Whitchurch* «Белая церковь», *Chapel Wood* «Часовенный лес», *Candle field* «Свечное поле», *Lampcroft* «Лампадный участок»), «Церковное событие» (*Whitsun Well* «Троицкий источник», *Gospel Brow* «Евангельский холм», *Amen Corner* «Аминь угол»). Такие топонимы могут быть метонимическими или метафорическими (каменные круги *Twelve Apostles* «Двенадцать Апостолов», *Sunkenkirk* «Утонувшая церковь», расселина *Lud's Church* «Ладова церковь»).

«Библейские топонимы» содержат личные имена и географические названия из Священного Писания, причем мотивация топонима основана на библейском контексте. Такие топонимы обычно являются метафорическими и описывают различные качества или оценку места номинатором (*Purgatory* «Чистилище», *Jacob's Ladder*

«Лестница Иакова», *Jericho* «Иерихон», *Bethlehem* «Вифлеем»). Некоторые названия, однако, основаны на метонимии и указывают на церковное владение (*Jerusalem Wood* «Иерусалимский лес»), конфессию общины (*Mount Tabor* «Гора Фавор»), копии Святогробской кувуклии (некоторые названия *Jerusalem* «Иерусалим») и т. д.

А. Е. Аникин
Новосибирск

Из старорусской лексики (*бечатá, бисяга, чка*)

Бечатá, бечетá, бичетá ‘самоцветный камень: красный яхонт, лал, рубин либо гранат’ [Даль, 1, 85], *бечетá* ‘драгоценный камень молочно-синеватого цвета’ [СлРЯ, XVIII 1, 20], *бечаты* мн. ‘род рубина’ [СлРЯ XI–XVII, 1, 182–183], *бечеть* ‘драгоценный камень’ XVI–XVII вв., *бечеть* = *бечать* ‘название драгоценного камня’ XVI в. [Срезневский, 1, 85; 3, Дополнения, 14].

Напоминает перс. *bīḡāda* ‘красный янтарь’, ‘гранат’, ‘сорт рубина’, курд. *bīḡāda* ‘полудрагоценный камень’ [Щаболов, 198]. Фонетические различия заставляют думать о посредстве третьего языка (языков) – возможно, тюркского. Но речь явно не идет о чаг. *bāčāk*, кр.-тат. *bičāk* ‘украшение’ [Фасмер, 1, 162].

Бисяга ‘покрывало’ пск., 1607 [Fenne, 64], *бисяга*, также *бисага* XVII в. [СОЛЯМР XVI–XVII, 1, 162], *бисяга* ‘попона под вьюки’, *бизага* (8 *попонъ бизагъ*), *бисяжныи* [СлРЯ XI–XVII, 1, 186], *бисяга, бизага* сиб., XVII в. [Панин, 11].

Несмотря на разницу в значении, едва ли отделимо от укр. *běsáti*, ст.-укр. *бисага* ‘сума’ XVII в. [ЕСУМ, 1, 176], ст.-блр. *бисага* ‘переметная сума’ XVI в. [ГСБМ, 2, 6] < польск., ср. *biesaga, biesagi*, ст.-польск. *bisagi* мн. ‘переметная сума’ < ср.-лат. *bisaccium*, -а мн. из *bis* ‘дважды’ и *saccus* ‘мешок’ [VWSS, 321–322]. По всей видимости, значение ‘покрывало’ возникло в русском по метонимии из ‘попона (для перекидного вьюка)’, а исход слова переосмыслен по аналогии со словами на -ага типа *висяга* ‘цеп, молотило’ [СРНГ, 4, 299]. Колебание типа *c/z* на великорусской почве не редкость.

Сложность состоит в наличии слова *писяга* ‘одеяло на оленьем меху’ в севернорусских говорах [СРНГ, 27, 52], которое было объяснено как производное с суффиксом -ага от ненецкой основы *pīs* (= *pī*) ‘покрывало из шкур или сукна для женских нарт’ [Хелимский, 2000, 356–357]. Ранее *бисяга* было предложено рассматривать как вариант *писяга* [Аникин, 129], что крайне сомнительно. Или между этими словами связи нет, или *писяга*, напротив, вторично по отношению к *бисяга* (< польск.), – и ненецкая этимология неверна. Последняя возможность предпочтительнее, против чего не возражал и Е. А. Хелимский (устное сообщение в ноябре 2007 г.).

Чка. Т. В. Горячева в одной из своих работ обосновала возможность обозначения ‘льдин, льдины’ как ‘плах(и), колод(ы)’ [Горячева, 2007, 37–39]. Эту возможность как будто можно поддержать следующим примером. Судя по данным